

Мужчина в боли зажал уши, его чёрные глаза устремились на Хуа Е, который в ответ уставился на него. Отец с сын смотрели друг на друга с таким напряжением, словно готовы были сразиться насмерть!

Глаза Папы Хуа устали от напряжения, и он невольно моргнул, после чего резко развернулся, крепко прижав руки к щекам, которые только что получили от сына. Слёзы катились по его щекам, и он всхлипывал:

— Эй-эй-эй, все говорят, что сын вырастает, женится и забывает отца, а тут даже невесты ещё нет, а он уже бьёт старого папу... Эй-эй-эй, как же мне не повезло? Вырастил малыша, был для него и отцом, и матерью, ни дня покоя не знал, думал, что наконец-то заживу в счастье, а теперь вот приходится терпеть побои... Эй-эй-эй... Я больше не хочу жить...

Хуа Е промолчал.

Плач Папы Хуа становился всё громче, звуча всё более жалобно.

Хуа Е закатил глаза, но в конце концов протянул руку и погладил отцовскую спину:

— Ладно, ладно, хватит реветь, как будто маленький. Вечером сделаю тебе куриную ножку, вставай уже, иди чистить зубы и умываться.

Ещё секунду назад рыдавший на весь дом Папа Хуа в следующее мгновение уже стоял у раковины и чистил зубы.

Хуа Е промолчал.

— Я только что слышал плач? — раздался голос снаружи.

В дверь вошел человек, держа в одной руке мешок с рыбой.

Это был высокий мужчина с короткой стрижкой, с резкими чертами лица и сигаретой в уголке рта, от которого веяло некой хулиганской харизмой. Он был без рубашки, его торс был покрыт мощными мышцами, а штаны, которые он носил, были мокрыми, с них капала вода.

Папа Хуа, чистящий зубы, покраснел, бросил зубную щётку и, вытянув шею, закричал:

— Цзян Чу, ты опять капал водой по всей комнате! Прежде чем уйдёшь, уберись здесь!

На суровом лице Цзян Чу появилась улыбка, он зажал сигарету в руке и пообещал сделать, как сказано. Папа Хуа, удовлетворённый, смягчил выражение лица.

— Дядя Цзян.

Хуа Е молча наблюдал, как его отец отчитывает Цзян Чу, после чего вежливо поприветствовал его.

Цзян Чу закинул сигарету обратно в рот, потрепал Хуа Е по голове и направился на кухню, где начал разделывать рыбу. Разделка, варка — и очень скоро перед Папой Хуа появилась большая миска с вареной рыбой.

— Эта рыба сегодня свежая, очень хорошего качества.

— На вид сойдёт, — высокомерно ответил Папа Хуа.

Хуа Е заметил, что у отца уже текут слюнки.

Цзян Чу не обратил на это внимания, а лишь почесал голову и, улыбнувшись, развернулся, чтобы уйти.

— Дядя Цзян, не остаться тебе на ужин? — спросил Хуа Е.

Цзян Чу внезапно приблизился:

— Я терпеть не могу подметать! Так что пока твой отец не опомнился, я смываюсь!

С этими словами Цзян Чу исчез. Он был рыбаком. В памяти Хуа Е дядя Цзян и его отец знали друг друга давно. В самые трудные годы именно Цзян Чу помогал им. Позже, когда Хуа Е вырос и стал работать на руднике, у него появился доход, а Цзян Чу продолжал приносить им рыбу. Хуа Е знал, что Цзян Чу был их благодетелем.

Пока Хуа Е мыл руки и обдумывал меню на ужин, он прикинул: купил только одну куриную ножку, значит, достанется старику. Муки хватит примерно на пятьдесят булочек: сорок съест он сам, девять — А-Ван, а отцу, с его небольшим аппетитом, хватит одной, особенно если есть ещё рыба и куриная ножка. Решив так, Хуа Е пошёл за ингредиентами, но обнаружил, что куриная ножка исчезла. Обернувшись, он увидел, что на единственном стуле в гостиной лежал А-Ван, держа в передних лапах куриную ножку и с видом, полным решимости защитить свою добычу. Увидев Хуа Е, свинья носом подтолкнула ножку назад, полностью скрыв её под своим круглым телом.

Хуа Е выхватил куриную ножку из-под свиньи.

А-Ван, внезапно лишившийся добычи, замер в шоке, а через мгновение закрыл морду лапами, выражая полное недоверие происходящему.

— ...Ты же свинья, зачем тебе куриная ножка?

Хуа Е холодно произнёс это, на что А-Ван ответил жалобным хрюканьем.

Хуа Е приготовил куриную ножку на пару, а когда булочки были готовы, от ножки осталась только кость. Хуа Е съел все булочки, запивая их рыбным бульоном, и почувствовал себя сытым.

Его отец, с лицом, перепачканным жиром, сидел у печи, а потом налил две чёрные как смоль чашки отвара, одну поставил перед Хуа Е, другую — перед А-Ваном.

И человек, и свинья сморщились. Чёрный отвар, состав которого был неизвестен, имел весьма странный вкус. Кажется, с самого детства, время от времени, когда отцу приходило в голову, он варил этот отвар. С тех пор, как появился А-Ван, Хуа Е чувствовал себя более уравновешенным, ведь теперь у него был этот маленький толстый компаньон.

А-Ван сидел на своём специальном высоком стульчике, держа чашку с отваром в лапах, а его большие глаза наполнились слезами, словно он вот-вот заплачет.

— ...Старик, тебе не кажется, что А-Ван отличается от других свиней?

Свиньи других людей не стояли на двух ногах, не хмурились, не держали чашки в лапах и не притворялись беспомощными... Поскольку Папа Хуа всегда вёл себя так, как будто это было

естественно, Хуа Е тоже не видел в этом ничего странного, пока не увидел свиней других людей...

Папа Хуа задумался, а затем, внезапно осенившись, сказал:

— Это потому, что он пил мой отвар «Десять совершенных великих дополнений», он специально для мозга. Давай, маленький А-Ван, выпей скорее.

Одной рукой он разжал пасть А-Вану, а другой влил отвар, и через мгновение чашка была пуста.

Хуа Е промолчал.

Папа Хуа пристально посмотрел на Хуа Е, и тот поспешно взял свою чашку, зажал нос и выпил содержимое.

После ужина отец быстро забрался в постель. Хуа Е прошёлся пару раз перед кроватью, его лицо было серьёзным, и он словно хотел что-то сказать. Папа Хуа высунул голову из-под одеяла, его чёрные глаза устремились на Хуа Е, и он спросил:

— Сынок, ты что, хочешь жениться?

Лицо Хуа Е залилось краской, и он яростно посмотрел на отца.

Папа Хуа нахмурился, а через некоторое время произнёс:

— Может, через несколько дней я съезжу в родовое поместье, попрошу твоего дедушку выделить денег, или... — он задумался, а затем, сникнув, произнёс с горем. — Сынок, тебе придётся потерпеть. Если я пойду, меня твои дяди и дяди насмерть рассмеют!

Лицо Хуа Е покраснело до предела, и было непонятно, от стыда ли это или от гнева.

Через мгновение в доме раздался громкий крик.

— Я вижу, ты весь день бледный, вид полуживой, поэтому и спросил, когда ты умрёшь! Какая ещё жена! Что ещё за потерпеть!

Папа Хуа поспешно спрятал голову под одеяло, чтобы заглушить этот крик, но на его лице появилась глупая улыбка. Его ребёнок был таким странным, заботился о нём, но стеснялся это показать.

Но что касается женитьбы... Эта мысль не давала Папе Хуа уснуть всю ночь. Дети растут, и родителям становится только сложнее.

Хуа Е, конечно, не знал о переживаниях отца. Он лежал на полу на своём тонком матрасе, его худое тело свернулось в клубок, а маленькая толстая свинья А-Ван лежала у него на животе. Хуа Е приснился сон: перед ним стояла гора булочек, высотой с пригорок.

Восемь дней спустя.

Гранд-отель «Риггс».

Первый луч солнца проник в комнату через щель в шторах, оставив тонкую полоску света. Мужчина нервно ходил по комнате, словно разъярённый зверь, оставляя за собой беспорядок.

Он искал уже восемь дней, перевернул всю Звезду Деревянного Карлика, но так и не нашёл того маленького существа. Иногда он сомневался, было ли всё, что произошло в тот день, просто весенним сном. Возможно, тот идеально подходящий ему маленький Проводник вообще не существовал. Но ощущения были настолько реальными, запах настолько ярким, как он мог ошибаться?

Почему он не может его найти?

Теперь, стоит ему закрыть глаза, он видит размытый силуэт, лица не разглядеть. Даже глядя на этот неясный образ, мужчина терял аппетит и сон, его мысли постоянно возвращались к тому дню, к тому, как он прижал его к себе, к его запаху. Мужчина чувствовал, что влюбился, но, чёрт возьми, он даже не знал, как выглядит тот человек! Скорее всего, это была односторонняя любовь!

Мужчина раздражённо почесал голову, его красивое лицо исказилось. Он глубоко вздохнул, а затем достал из сумки шприц.

<http://bllate.org/book/16890/1565908>